

Авантюристы на стезе

любви

Истории
роковой
любви

Василий Владимирович Веденеев

Авантюристы на стезе любви

Серия «Истории роковой любви»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=14654780

Авантюристы на стезе любви: Вече; М.; 2010

ISBN 978-5-9533-4628-3, 978-5-4444-8174-5

Аннотация

Пути истории человечества, от Адама и Евы подверженного любовным страстям, совершенно неисповедимы. Страсть туманит разум и толкает на безумства, придавая поистине змеиное коварство обольстителям. Почему сластолюбцы шли на заведомо трагичный финал, соглашаясь провести знаменитые «ночи любви Клеопатры»? Как нежно любящий муж маркиз де Сад превратился в распутника и развратителя? Что стоит за кровавыми преступлениями печально знаменитой барыни Салтычихи? ...Похоже, таинственная сила страсти способна играть человеком как ей заблагорассудится?

Содержание

Дела давно минувших дней	5
Персидская царица	7
Ночи Клеопатры?	11
Род Атрев	16
Изгнание и казнь	17
Кровосмешение	21
Зов плоти	25
Стрела Амура	28
Любовь Альдо Мороне	29
Зависть	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

**Василий Владимирович
Веденеев
Авантюристы
на стезе любви**

© Веденеев В.В., наследники, 2010

© ООО «Издательский дом «Вече», 2010

Дела давно минувших дней

Как всем хорошо известно, миром правят любовь и голод. Значительно позже Зигмунд Фрейд скромно добавил к этому набору еще одно короткое словечко – секс! И очень тесно связал его с психиатрией и психоанализом, отцом которого сам же и являлся.

Большинство экспертов, особенно на Западе, придерживается мнения, что серийные убийцы-мужчины, совершающие одновременно половые преступления, в основном зверствуют из-за своих неудовлетворенных сексуальных желаний, чаще всего связанных с какими-либо извращениями в половой сфере. Вернее, в сфере отношений между полами. И, как правило, подобная неудовлетворенность, как хвост, тянется за ними чуть ли не с юных лет. Зачастую она возникает на почве психических заболеваний или ранней импотенции.

Но в настоящее время даже в России, не говоря уже о других странах, существуют легальные садомазохистские клубы и тому подобные заведения – приходи, плати и удовлетворяйся на здоровье! Всегда найдутся желающий, желающая или желающие составить компанию. Однако убийств не становится меньше: имеются в виду убийства на сексуальной почве.

Стоит обратить внимание, что в подавляющем большин-

стве случаев практически везде и повсюду стыдливо умалчивают о женщинах-маньяках. Неужели их не существует?

Это не так. Они оставили свой страшный кровавый след в любовных играх со смертью еще с древнейших времен.

Персидская царица

Одной из самых известных женщин-маньяков глубокой древности являлась персидская царица Парисатис – о ней неоднократно упоминал в своих трудах знаменитый древнегреческий историк и биограф Плутарх. Он описал многие привычки, образ жизни и жестокие «развлечения» молодой царицы некогда очень могущественного государства, правящая верхушка которого владела неограниченной властью и фантастическими богатствами, поражавшими воображение современников.

Как писал Плутарх, персидская царица была одержима многими пагубными страстями – пресыщенная буквально всем, она постоянно искала новых острых ощущений. Долгие часы азартно играла в кости, вечно оставалась ненасытной в сексе и просто обожала предавать людей мучительной смерти, с жадным любопытством наблюдая за пытками и казнями, требуя от умелых и изощренных восточных палачей как можно дольше продлить мучения жертвы. Как полагают многие эксперты-ориенталисты, царица Парисатис оказалась одной из первых описанных в литературе женщин-маньяков. И совсем не исключено, что она страдала рядом неизвестных нам психических и половых заболеваний.

Судя по некоторым дошедшим до нас косвенным данным, царица Парисатис считалась для того времени очень краси-

вой женщиной. При этом необходимо учитывать, что представления о красоте в разные времена и у различных народов мира претерпевали просто невообразимые изменения. Даже в недавно минувшем XX в. представление о женской красоте менялось во всем мире минимум пять-шесть раз. Что уж тут говорить о глубокой древности?

В любом случае Парисатис современники считали соблазнительной и прекрасной. Видимо, она действительно обладала красивым лицом и хорошей, развитой фигурой. Из-за жаркого климата царица ходила в легких одеяниях и практически полуголой, а это позволяло разглядеть все ее достоинства и оценить их должным образом. К тому же ее высокое положение при царском дворе только подогревало похоть мужчин – во все времена обладать женщиной, занимающей высокое положение в обществе, среди многих лиц противоположного пола считалось и продолжает считаться престижным. Даже очень престижным.

О царице рассказывают такое. Однажды она увидела у своей родственницы молодого и красивого раба.

– Отдай мне его! – капризно заявила Парисатис, однако родственница, также принадлежавшая к царскому роду, не пожелала уступить своенравной принцессе.

– Я хочу обладать им сама!

– Тогда давай сыграем на него, – невозмутимо предложила царица. – Разделим на несколько частей в ставках, и пусть великие боги рассудят, кому он достанется. Он сам или его

часть!

– Лучше начнем играть на него целиком, – брезгливо передернула плечами родственница, которая уже поняла, что от Парисатис ей отвязаться не удастся.

Игра оказалась долгой и азартной. Удача в ней попеременно сопутствовала то одной женщине, то другой. Но в конце концов Парисатис одержала победу, и с ликующим воплем схватила раба за волосы и впиалась в его губы долгим страстным поцелуем. Потом воскликнула:

– Эй, слуги! Приведите его в порядок!

Через несколько часов хорошенько вымытый, умощенный маслами и ароматическими смолами молодой раб уже возлежал на ложе рядом с ненасытной в любви царевной и старался изо всех сил доставить ей удовольствие.

Сначала все вроде бы получалось хорошо, но потом Парисатис постепенно вошла в сексуальный раж, и ее уже ничто не могло удовлетворить. Бурная страсть, с которой она отдалась красивому рабу, сменилась злобной жестокостью. Тут же несчастного спихнули с ложа любви и отдали в руки палача.

– Я хочу, чтобы ты замучил его до смерти, – тяжело дыша, приказала царевна заплочных дел мастеру. – Медленно, изощренно и очень жестоко. Я сама стану наблюдать за этим!

И она наблюдала за пытками и казнью, иногда подсказывая палачу, как причинить недавнему любовнику еще большую и сильную боль. При этом царевна удобно устроилась

на мягком ложе под опахалом, с чашей пряного вина в руке.

Древние авторы отмечали, что это далеко не единственный случай подобной жестокой расправы, и общее число жертв персидской царицы просто никому не известно: никто не вел их учет, даже она сама не помнила, скольких мужчин казнили и замучили по ее приказу.

Ночи Клеопатры?

Всемирно известна давняя легенда про «ночи любви Клеопатры» – прекрасной, хитроумной и жестокой царицы Египта, долгое время являвшейся любовницей Юлия Цезаря.

Если верить легендам о ненасытной в любви Клеопатре, то она была готова заниматься, – и занималась! – любовью с любым возжелавшим ее мужчиной, который соглашался за ночь любви с царицей заплатить своей жизнью. Наутро палачи тащили любовника на плаху и казнили. Сластолюбцы отлично знали, что их ожидает после ночи наслаждений. Но тем не менее соглашались отдать жизнь взамен упоительных ласк египетской царицы.

Однако, как установили историки, на поверку все эти рассказы оказались не более чем досужим вымыслом и красивой легендой с сексуальным душком. Да, Клеопатра, несомненно, была хитра, очень властолюбива и часто имела знаменитых любовников, хотя и не отличалась привлекательностью. Слухи о ее неотразимости сильно преувеличены. В действительности египетская царица не отличалась красотой лица, имела большой, крючковатый нос, короткую шею и явно страдала значительным избытком веса, что отразилось на ее безобразной фигуре.

– Будь у знаменитой Клеопатры иная фигура и аккурат-

ный носик, — справедливо заметил один из всемирно известных ученых, — история могла пойти по иному пути, а карта современного мира выглядела бы совершенно отлично от современной!

Тем не менее легенды о «ночах Клеопатры» существуют, как справедливо говорят в народе, — дыма без огня не бывает. Но кто мог послужить прообразом для таких легенд? Неужели кровожадно-ненасытная персидская царица Парисатис?

Нет, не она. Историков интересовал этот вопрос, и большинство западных специалистов сошлись во мнении, что это, скорее всего, была вдовья римская патрицианка по имени Агриппина, жившая примерно в одно время с владычицей Египта Клеопатрой.

В отличие от распространенного позднее мнения, положение замужней женщины или вдовы в Древнем Риме совсем не отличалось разнузданной свободой, как, например, в Древней Спарте. Наоборот, жена являлась чуть ли не «крепостной» своего мужа и почти целиком и полностью зависела от его воли. Поэтому, даже овдовев, склонная к сексуальным забавам Агриппина не могла получить желаемого наслаждения в столице империи, где проживали ее родственники и родственники ее покойного мужа. Кстати, Древний Рим был не столь велик и густонаселен, как многим современным людям представляется по голливудским фильмам — это отнюдь не Нью-Йорк, Москва или даже Тамбов. Сейчас

Древний Рим показался бы нам захолустным, малонаселенным, довольно сонным городишкой, просыпавшимся только в дни раздачи хлеба, пышных празднеств и кровавых забав.

– Я хочу удалиться в провинцию, на свою виллу, – сказала молодая вдова родственникам. – Там я буду предаваться печали вдали от соблазнов шумного города.

– Поезжай, – охотно согласились они.

Агриппина уехала и, некоторое время выждав, пока о ней начнут забывать, стала собирать на своей вилле молодых и красивых рабов. Не в силах обуздать одолевавшие ее пагубные страсти, она практически ежедневно устраивала с ними разнузданные ночные, а то и дневные оргии, предаваясь самому гнусному разврату и различным сексуальным извращениям, вплоть до содомии.

Насытившись любовью очередного невольного сожителя, Агриппина приказывала слугам вязать его. Затем, не доверяя этого занятия никому, патрицианка собственными руками начинала творить расправу над недавним фаворитом. Вооружившись ножом для разделки туш или бичом, она терзала тело, недавно дарившее ей жар любви, и от этого получала новое, неопишемое наслаждение. Возможно, даже большее, чем на ложе при совокуплении. Не исключено, что в минуты занятия сексом ее сильно возбуждала и подхлестывала мысль о том, как она станет терзать этого мужчину или юношу, который сейчас овладел ею со всем пылом. И она отдавалась еще более страстно.

Доверенные служители выволакивали трупы любовников-рабов в мешках в поле и зарывали в заранее приготовленных ямах – неподалеку от виллы Агриппины скоро выросло целое кладбище. Тайное, как у каждого убийцы.

Конец кровавым потехам наступил совершенно неожиданно. Один из родственников обратил в Риме внимание на расходы «тихо живущей» в провинции «скорбящей вдовы». По его мнению, она тратила слишком много денег! Действительно, молодые и красивые рабы, которых покупали для Агриппины, стоили недешево: это не старики и не калеки. К тому же в то время уже существовали конторы ростовщиков – прообраз современных банков, – через которые проходили деньги большинства римлян. Ростовщичество было очень развито и проследить расходование средств при желании не составляло труда.

Постоянные большие расходы на невольников насторожили далеко не бедную, но весьма расчетливую родню патрицианки, и на виллу неожиданно нагрянули несколько «инспекторов» из Рима. Вполне понятно, что тайна вдовы раскрылась, и родня увезла ее в столицу, где «веселую вдову» суд патрициев приговорил к смерти. Однако не за совершение «серийных убийств» на сексуальной почве, а за поругание и унижение чести патрицианского рода и позорные, порочившие род связи с рабами! Агриппину казнили.

Когда-то история развратной патрицианки была очень широко известна, но потом мир забыл ее имя. Зато во-

ображение поражала еще при жизни окруженная легендами царица Египта Клеопатра. Постепенно образы кровожадной персидской царевны Парисатис, разнузданной римлянки Агриппины и царицы Клеопатры слились воедино, породив легенду о кровавых и сексуальных «ночах Клеопатры».

Кстати, чтобы дать хоть какой-то выход разнузданным страстям и «спустить пар», в древности существовали культы языческих божеств, жрицами которых часто служили женщины, страдавшие психическими заболеваниями, приводившими к искажениям и извращениям в сексуальной сфере. По мнению многих сексопатологов, женщин – сексуальных маньяков ничуть не меньше, а то и больше, чем мужчин. И удовлетворить их, как правило, очень сложно.

Если бурные сексуальные фантазии долгое время вынужденно подавляются, а потом получают возможность прорваться наружу, то такой «нарыв» обычно прорывается фонтаном крови! Тем более некоторые из маниакально сексуально озабоченных женщин во что бы то ни стало стремятся сразу реализовать все свои самые «заветные» сексуальные мечты. Большая беда, если такая натура перестает четко различать ту зыбкую грань, которая отделяет ее болезненные фантазии от реальности...

Род Атреев

Герои многих античных преданий отличались удивительным, заразительным жизнелюбием и постоянно попадали во всевозможные сексуальные авантюры, испытывая захватывающие дух любовные страсти.

Одним из самых известных, созданных в незапамятные времена в назидание потомкам, считался миф-предание о роде Атреев, который сквозь непроглядную тьму веков дошел до нас в почти не искаженном виде. Большинство экспертов в один голос утверждают – это не миф и не предание, не легенда и не вымысел. А просто семейная хроника одного из многочисленных царских родов, некогда существовавших в Древней Греции...

Изгнание и казнь

Когда-то на благодатных землях Пелопонесса жили два брата-близнеца, которых звали Атрей и Фиест. Оба они были царскими сыновьями, и вскоре их отцу предстояло решить: кому из братьев оставить трон? Оба молодых человека отличались статью и храбростью в бою, оба с одинаковым упорством постигали науки, и оба являлись царскими отпрысками. Но монарх знал тайну: Атрей родился первым, на несколько минут раньше своего брата-близнеца. Возможно, именно это обстоятельство и сыграло роль в решении, принятом царем, которого тоже звали Атрей, – старший сын, по обычаю, получил имя отца. А теперь должен получить из его рук и вожденную власть.

Сейчас наука совершенно точно установила: близнецы непременно имеют одинаковые интересы и наклонности. Так было и у братьев Атрея и Фиеста. Вот только реализовать их одновременно для братьев оказалось делом крайне сложным. Поэтому, хотя оба царских сына жаждали высшей власти, получить ее мог только один из них.

– Я объявляю своим наследником Атрея! – официально заявил Атрей-старший в присутствии советников и старших военачальников.

– Царь должен быть женат, – сказал на это верховный жрец.

– Да будет так, – согласился царь. – Пусть Атрей найдет себе достойную невесту, и мы справим свадьбу.

Невеста нашлась быстро: ею стала дочь одного из военачальников, красотка Аэропа, привлекавшая стройностью стана, крутыми бедрами, полными грудями и смазливый лицом. Накануне свадьбы царь скончался, и, выдержав положенный траур, на престол взошел его сын Атрей. И вскоре взял в жены сексапильную Аэропу, справив пышную свадьбу.

Если бы он видел, как на свадебном пиру его брат не сводил глаз с молодой царицы, то о многом бы призадумался. Однако Атрей ничего не замечал в своем счастье – смерть отца не могла омрачить радости получения высшей власти и обладания красивой женщиной.

Несчастный Фиест оказался со всех сторон совершенно бессовестно обобраным более счастливым и успешным братом. Младший из близнецов считал, что его нагло обделили: брату достались и трон, и красивая девушка, которая давно нравилась и самому Фиесту. Однако он не торопился засылать сватов, и теперь вот чем обернулось его промедление с признанием в любви! Но, возможно, еще далеко не все потеряно и можно заставить капризную фортуна повернуться к себе лицом?

– Ты удивительно прелестна и соблазнительна, – встречая невестку в сумрачных закоулках дворца, откровенно шептал ей на ухо близнец венценосца. – Разве может кто-нибудь во

всей Греции сравниться с тобой красотой?

– Ах, перестань, – вспыхивала молодая царица, хотя ей были приятны слова родственника: женщины любят комплименты.

Наконец Фиест решился тайком пожать невестке руку. Аэропа смутилась, но своей руки не отняла, и Фиест понял: его молча поощряют к дальнейшим действиям.

При следующем, якобы совершенно случайном свидании – на самом деле он караулил Аэропу, как охотник поджидает в засаде дичь... – Фиест не только завладел рукой невестки, но и осторожно потрогал ее упругие груди, лаская их сначала руками, а потом нежно губами.

– О-о! – страстно простонала Аэропа и порывисто прижала к себе голову Фиеста.

Поняв, что молодой царице эти ласки пришлись по нраву, Фиест осмелел и начал ласкать сначала ее ноги, потом лоно и целовать в губы, заставляя Аэропу всю трепетать от вожделения: искусством любви младший близнец владел прекрасно.

– Нас могут увидеть, – делая вид, что она хочет высвободиться из его объятий, прошептала молодая царица.

– Просто нужно соблюдать осторожность, – не выпуская ее, ответил Фиест.

В общем, произошло то, что при подобных обстоятельствах неизбежно должно произойти: царица изменила мужу и стала пылкой любовницей его брата-близнеца. Они преда-

вались безумным любовным утехам при любом удобном случае, не замечая быстро текущего времени и не имея сил оторваться друг от друга. И почему только коварная судьба не соединила их с самого начала?

Как известно, любой царский дворец полон соглядатаев и шпионов, а древняя Эллада не являлась в этом отношении счастливым исключением. А влюбленные далеко не всегда соблюдали должную конспирацию и осторожность. Поэтому царю Атрею вскоре донесли о постоянных любовных упражнениях его жены и родного брата.

– О боги! – вскричал царь. – За что такая немилость? Фиесту оказалось мало многих любовниц, которые у него были? Теперь брат предал меня вместе с женой, и я потерял их обоих!

– Прикажешь лишить их жизни? – вкрадчиво осведомились царедворцы, предвкушая кровавую потеху.

– Аэропу следует утопить в море, – мрачно приказал царь. – А Фиеста?.. Нет, все-таки он мне родной брат: его следует навсегда изгнать!

Несколько разочарованные таким решением монарха верные слуги немедленно схватили неверную Аэропу, потащили к морю и утопили еще недавно вызывавшую их поклонение царицу. А царского брата с позором выдворили из страны.

– Благодарю Зевса и Венеру, за то что остался жив! – философски решил Фиест и отправился странствовать по свету.

Кровосмешение

Судя по всему, определенной цели путешествия у Фиеста не имелось. Зато он располагал кое-какими средствами. И шел куда глаза глядят. Проходя по улице в одном из городов, изгнанник увидел ехавшую на колеснице, запряженной белой лошадью, прекрасную девушку Сердце Фиеста зашло и стало биться неровными толчками при виде ее точеных ног, высокой груди и красивого лица с огромными, сияющими глазами.

– Великие боги! – поклялся ловелас. – Она будет моей, чего бы мне это ни стоило!

О несчастной Аэропе, дарившей ему жаркие ласки и безумные ночи и дни любви, Фиест уже не вспоминал. И не слишком горевал, что соблазненная им жена родного брата за свои прегрешения в блуде отправилась на морское дно с камнем на шее. Теперь перед ним появился другой соблазнительный цветок, и он твердо намеревался сорвать его и получить все удовольствия.

– Кто эта красавица? – поинтересовался Фиест у случайного прохожего.

– Ее зовут Плопия, – ответил тот. – Учти, чужестранец, она принадлежит к знатному роду.

Но Фиест уже больше ничего не слушал, не желал слушать! Он уже весь был во власти вожделения и, поскольку

отличался мужской силой, красотой и статью, мог реально рассчитывать на успех задуманного им очередного любовного приключения.

Изгнанник посетил городские бани, купил приличную одежду и заявился в дом Плопии, где она жила у дяди, поскольку осталась сиротой. Представившись незаслуженно обиженным братом царя Атрея, он попросил приюта и получил его.

– Мы вырастили несчастную сироту, оставшуюся без родителей, – доверительно сообщил ему дядя Плопии. – Отца она вообще не знала, а мать скончалась несколько лет назад.

– Какая утрата, – лицемерно вздохнул Фиест, в душе радуясь, что овладеть девушкой, оставшейся без материнского присмотра, ему будет значительно легче.

Действовал Фиест уже испытанными и не раз апробированными им, проверенными способами: он подкарауливал красавицу, говорил ей бесконечные комплименты, жаловался на несчастную судьбу изгнанника и наконец взял ее за руки. Она не отняла их.

Ободренный успехом, Фиест стал ласкать упругие груди Плопии сначала руками, а потом губами, а когда девушка застонала от наслаждения, начал ласково гладить ее стройные ноги и ласкать лоно. В общем, все произошло так, как и рассчитывал коварный Фиест, соблазняя девушку, как до этого он соблазнил множество других женщин, в том числе и погибшую царицу Аэропу. Плопия отдалась ему, а Фиест

с радостью овладел ею, совершенно не подозревая, что вступил в кровосмесительную связь с... собственной дочерью!

Дело в том, что покойная мать Плопии раньше была любовницей царского сына, ставшего изгнанником, и родила от него дочь, о чем постоянно менявший любовниц Фиест даже не подозревал. Сейчас связь с Плопией приводила его в сексуальное неистовство, и он постоянно искал любой возможности уединиться с ней, чтобы предаться любовным играм, увлекавшим их обоих.

Далее события стали развиваться просто головокружительным образом.

В результате проведенных на одном ложе жарких, полных неутоленной, дикой страсти ночей и дней Плопия забеременела от родного отца Фиеста, не подозревая, кем он ей приходится в действительности. В положенный срок красавица родила здорового мальчика, которого называли Эгисфом.

Никто даже не мог предположить, что спустя некоторое время в этот город пожалует с визитом сам венценосный Атрей. Фиест при известии о приезде брата почел за благо не высовывать носа на улицу – кто знает, как поведет себя его близнец, увидев соблазнителя казненной жены? Зато Плопия, напротив, с любопытством, присущим всем женщинам, пошла посмотреть на царя соседнего города.

Случайно увидев в толпе горожан сексапильную Плопию, царь Атрей буквально потерял разум от охватившего его вождения: недаром же твердят, что у близнецов одинаковые

вкусы и желания. Естественно, монарх велел навести справки о ней, совершенно не подозревая, что это его родная племянница и любовница брата-близнеца, состоящего в кровосмесительной связи со своей дочерью. Узнав, что предмет его страсти принадлежит к знатному роду, он предложил Плопии руку и сердце. Конечно же вместе с тронном.

– Что мне делать? – кинулась женщина за советом к многоопытному дяде, решив пока ничего не говорить любовнику.

– Соглашайся, – поразмыслив, решил родственник. – Какая надежда на изгнанника Фиеста? Получит ли он когда-нибудь трон? А сейчас ты имеешь реальный шанс стать царицей и пристроить незаконнорожденного сына во дворце. Как знать, вдруг ему потом удастся сесть на престол? Чего только в жизни не случается!

Ненасытного любовника Плопия оставила в полном неведении и, отправившись к царю Атрею, твердо сказала:

– Я согласна стать твоей, о царь!

Атрей возликовал, немедленно увез соблазнительную красотку к себе и... женился на родной племяннице. Соответственно, Плопия стала женой родного дяди.

Зов плоти

Тем временем во дворце Атрея уже подрастал сын царя от первого брака, которого звали Агамемнон. Видя, что отец взял себе новую, молодую и очень привлекательную жену, сын заявил:

– Я тоже хочу жениться, отец.

– У тебя уже есть избранница? – заинтересовался Атрей. – Кто она, какого рода?

– Ее зовут Клитемнестра. Она на диво хороша собой и благородного происхождения. Ее не стыдно ввести в царскую семью: она отличается целомудрием, не то что многие ее подруги.

– Ну, коли так, это просто прекрасно, – согласно кивнул царь Атрей. – Считаю, я полностью одобрил твой выбор, и начнем готовиться к свадьбе.

Торжество бракосочетания отпраздновали очень пышно, и на пиру, как когда-то его кровосмесительный отец во все глаза пялился на прелести утопленной Аэропы, на юную невесту жадными глазами смотрел уже успевший подрасти Эгисф, который вместе с матерью жил теперь во дворце.

Труди царской невестки казались ему божественными, ноги великолепными, все движения удивительно плавными и полными томной неги, зовущей к райским наслаждениям. Она словно нарочно дразнила юнца, разжигая в нем страсть.

Не стоит забывать: в Эгисфе текла кровь соблазнителя и казановы своего времени Фиеста. И юноша совсем потерял покой – он мог думать только о том, как ему овладеть вожаденной Клитемнестрой!

И вот однажды ночью его потихоньку разбудила верная служанка молодой царевны и, таинственно приложив палец к губам, призвала молчать и не шуметь. А сама тихо шепнула:

– Готов ли ты предстать перед той, которую столь сильно жаждешь?

Не в силах от волнения в ответ вымолвить хоть слово, юнец только кивнул в знак согласия. О великие боги! Неужели предмет его обожания наконец заметил страсть юноши и решился ответить на нее взаимностью?

Именно так и случилось. В древности греки по-детски простодушно рассказывали о том, как слабый человек не в силах устоять перед соблазном и предается зову плоти, который иногда куда сильнее разума и совершенно неодолим. Служанка привела юношу в покои царевны, и он с бурной страстью овладел той, которая так долго сводила его с ума! Они стали до сумасшествия страстными любовниками, и царская невестка забеременела от юнца, родив ему сына. Теперь, в результате множества кровосмешений, трон должен был перейти все же к прямому потомку некогда изгнанного Фиеста. Но Агамемнон узнал об измене жены и, не долго думая, разрубил надвое мечом младенца, а потом одним

ударом вспорол живот сластолюбцу Эгисфу, который от потери крови скончался на месте.

Несчастливая Клитемнестра сошла с ума от горя и бросилась со скалы в пропасть. Но Плопия решила жестоко отомстить за смерть сына и на одном из пиров с чарующей улыбкой поднесла Агамемнону чашу с ядом. Выпив ее, наследник Атрея немедленно испустил дух.

– Ты ведьма! – закричал тогда Атрей и приказал утопить Плопию, как некогда утопили в море неверную Аэропу.

Надо же было случиться такому, что как раз после смерти дочери-любовницы во дворец брата пришел Фиест: постаревший и усталый, он хотел найти покинувшую его дорогую ему женщину и сына, а потом умереть на родине. Он рассказал брату обо всех своих злоключениях и любви. Выслушав близнеца, тот ужаснулся. И в ответ рассказал Фиесту о случившемся во дворце.

– Значит, Плопия мертва? – тусклым голосом спросил Фиест и, достав спрятанный в складках туники нож, вонзил его в сердце брата.

Но и сам упал замертво, пронзенный множеством стрел воинов дворцовой стражи. На этом род Атреев пресекся...

Стрела Амура

Об этой истории большой, романтической и роковой любви, черной зависти и предательства, достойной стать сюжетом для трагедии Шекспира, поведали старинные хроники XIV в., которые старательно вели итальянские монахи, из-за высоких стен монастырей пристально следившие за бушевавшими в мирской жизни пагубными страстями.

Впрочем, монахи, несмотря на духовный сан, такие же люди. А людей, как известно, всегда более всего на свете интересовали две вещи – любовь и смерть. Именно они, по сути, и движут миром, наравне с костлявой рукой голода, а все остальное не столь важно и всего лишь является следствием страстей, вызванных основными причинами...

Любовь Альдо Мороне

В те времена, о которых ведется речь в монастырских хрониках, в одном из городов Северной Италии – в старой Павии – жил рыцарь по имени Альдо Мороне из рода Грифоне: на их родовом гербе был изображен могучий грифон – мифическое существо, полулев-полуорел с могучими крыльями. Над ним красовался рыцарский шлем, украшенный тремя страусиными перьями, в знак того, что представители рода принимали участие в трех крестовых походах. Род считался знатным и богатым: родной дядя Альдо – Гвидо Мороне, заменивший молодому человеку родителей, когда юноша остался сиротой после моровой язвы, унесшей жизни его отца и матери, – являлся правителем Павии.

Альдо жил в хорошо укрепленном замке дяди, охраняемом дисциплинированным и боеспособным гарнизоном. Там же хранилась казна и находились подземелья, в которых Гвидо, не доверяя городской тюрьме, содержал, по его мнению, особо опасных преступников и тайных пленников.

Случилось так, что однажды молодой рыцарь Альдо Мороне отправился по делам в Турин и там увидел на улице паланкин, в котором дюжие слуги несли какую-то важную особу. Неожиданно изящная женская ручка приоткрыла занавески, и Мороне слегка пришпорил коня, чтобы оказаться поближе к носилкам: его очень заинтересовало – кто в них

находится?

Видимо, сидевшая в паланкине особа, в свою очередь, заинтересовалась незнакомым молодым и красивым дворянином на породистом коне и выглянула из-за занавесок. В тот же миг стрела Амура пронзила сердце Альдо.

Он увидел выглянувшую из-за занавесок юную прелестную девушку со светлыми волосами и голубыми глазами, показавшуюся ему похожей на ангела небесного. Девушка улыбнулась Альдо, занавеска опустилась, и дивное видение исчезло.

– Я должен отыскать ее! – сказал себе Мороне и пустил коня следом за носилками, но в городской сутолоке слуги свернули в узкий переулок, а рыцарь не успел последовать за ними.

Лучше всего развязывают языки золотые монеты, поэтому меньше чем через час молодой Мороне знал, что случайно встретился на улице с Бьянкой Сфорца – дальней родственницей знаменитого, могущественного вельможи и владетельного синьора. Ее отец принадлежал к одной из боковых ветвей рода, но был богат и знатен, а о самой девушке все говорили только хорошие слова.

Рыцарь нанял лучших певцов и музыкантов и приказал им отправиться к дворцу Сфорца и петь под окнами покорившей его сердце красавицы, услаждая ее слух. Так было принято в те времена. А найти дворец ее отца не составляло никакого труда – все в городе отлично знали, где он стоял.

На следующий день, по просьбе Альдо, знакомые дворяне из Турина ввели его в дом и представили отцу Бьянки – синьору Пьетро Сфорца. Молодой рыцарь пришелся, как говорится, ко двору, синьор Пьетро удостоил его дружеской беседы и, проникшись расположением, пригласил на обед. За столом Альдо вновь увидел Бьянку и понял, что безумно влюблен. И, кажется, ему готовы ответить взаимностью.

– Синьор Пьетро, – решив не терять зря драгоценного времени, на следующий же день официально обратился Альдо к отцу девушки. – Я покорно прошу руки вашей дочери!

Возражений со стороны синьора Сфорца не последовало: он уже узнал от знакомых, кто его неожиданный гость и какого он рода-племени. Породниться с правителем Павии было не зазорно, тем более, скорее всего, после бездетного и холостого дяди управление городом должно перейти к Альдо – так гласил закон.

– Давайте не станем торопиться, – ответил осторожный синьор Сфорца. – Ваше предложение лестно для нас, однако, наверное, нам стоит соблюсти соответствующий этикет и все обычаи? Дайте мне время переговорить с дочерью и все обдумать.

Мороне прекрасно понимал: любые отговорки синьора Сфорца – дань соблюдению правил приличия. И не ошибся: уже через несколько дней дело оказалось как нельзя лучше слажено, и даже назначили день помолвки, которую решили превратить в большой праздник и пригласить множество го-

стей.

Домой, в Павию, молодой Мороне вернулся окрыленным и с восторгом рассказал дяде о своей большой любви к Бьянке.

– Дорогой мой, – усмехнулся успевший многое повидать в жизни Гвидо, – в твоём возрасте все девушки кажутся удивительно прекрасными. Откуда только потом берутся сварливые и злые жены? Но я рад, что ты сумел найти себе достойную, красивую, знатную и богатую невесту Мы едем в Турин!

Зависть

Гвидо Мороне был еще далеко не стар, но, как уже говорилось, многое успел повидать в жизни. Он знал, что такое безжалостные кровавые войны, измены, какова сила золота и расплата за предательство, а главное – отлично осознавал быстротечность жизни и высокую цену власти над людьми. Гвидо всегда полагал: нужно торопиться срывать цветы удовольствия, пока костлявая рука посланницы госпожи Судьбы – до безобразия костлявой дамы с острой косой на плече, – не чиркнула ей тебе по горлу!

Любовь? Гвидо Мороне знал это чувство и давно считал его чем-то вроде болезни, поражающего мозг безумия. Несколько лет назад он овдовел, не успев обзавестись потомством – его супруга скончалась в тот же год, когда родители Альдо умерли от моровой язвы. Достойной партии для себя правитель Павии не видел и предпочитал продажную любовь веселых красоток: по крайней мере, там все предельно ясно. Поэтому к желанию племянника создать семью циничный властитель отнесся снисходительно-равнодушно: очередной пир, и все!

Однако, приехав в Турин и увидев в доме Сфорца его дочь Бьянку, правитель Павии вдруг почувствовал странное стеснение в груди. Его необычайно взволновала красота девушки, и он почти зримо представлял, как держит ее, совершен-

но обнаженную, в своих объятиях, жарко целует и овладевает ею!

– Черт побери! – пробормотал Гвидо, встряхнув головой, дабы отогнать навязчивое видение обнаженной Бьянки. – Кажется, я еще никогда так жадно не хотел обладать ни одной женщиной в мире. Она предназначена мне, а не этому юнцу Альдо.

Правитель решил: дивная красавица из Турина непременно будет принадлежать ему Но как это сделать?!

Постепенно в его голове созрел коварный план, и, не дожидаясь начала торжеств, посвященных помолвке племянника, Гвидо отозвал в сторону синьора Сфорца.

– Надеюсь, вы поймете меня правильно и войдете в мое положение, – заговорщическим тоном, сказал он ему – Я не могу долее оставаться в Турине и должен срочно вернуться в Павию. Мои извинения и поздравления молодым!

– Что случилось? – заволновался синьор Пьетро.

– Я получил известия из дома, – понизил голос Гвидо. – В городе неспокойно. Лучше, если я буду в своем замке.

– Да, конечно, я понимаю, – согласно кивнул отец невесты. – Жаль!

– Мы еще не раз увидимся, – пообещал ему правитель. – Я в этом не сомневаюсь.

В сопровождении телохранителей, не щадя лошадей, он стремглав помчался домой. Едва соскочив с седла во дворе замка, Гвидо приказал немедля подать ему факел и кинулся

в подземелье угловой башни, где по его приказу содержали подозреваемого в черной магии некоего Самундра – человека неизвестной национальности и неопределенного возраста, неведомыми путями попавшего в Павию.

– В твоих глазах огонь вожеления, – сказал маг, едва только Гвидо переступил порог его темницы с пылающим факелом в руке.

– Ты разглядел это еще в темноте? – издевательски рассмеялся старший Мороне. – Впрочем, к чему скрывать: ты прав! Я хочу, чтобы одна девка стала моей. Ты сможешь мне помочь, колдун?

– Я не колдун, – вздохнул Самундра, – иначе меня давно здесь уже не было бы. Но я могу приготовить некоторые зелья.

– Так готовь!

– Мне надоело слушать этот звон, – маг побренчал цепью кандалов. – Хочу неба над головой, а не камня. Дай мне свободу, а я дам тебе то, чего ты жаждешь!

– Не торгуйся, – угрожающе бросил Гвидо.

– Торгуешься ты, – равнодушно пожал плечами маг. – Я давно готов к смерти!

– Хватит! – топнул правитель. – Мне нужна девушка! Тебе позволят уйти на все четыре стороны, если дело решится по моему. Ясно?..

Не прошло и часа, как мага вытащили из темницы и перевели на верхние этажи башни, где правитель приказал вы-

делить ему отдельную комнату под лабораторию и мастерскую и давать все, что только потребует проклятый колдун. Но приставил к узнику крепкую стражу.

Первым делом Самундра потребовал, чтобы его вывезли за пределы города, где он сможет собрать необходимые травы и минералы, а потом попросил установить горн, дать немного золота и инструменты ювелира. Все исполнили в точности. Через пару дней маг позвал властителя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.